

Духовная жизнь

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

**Протоиерей
Андрей Ткачев**

Известный миссионер, писатель и публицист, ведущий передач на радио и телевидении. Автор более 20 книг, номинант Патриаршей литературной премии 2014 года. Священник храма Воскресения Словошущего на Успенском Вражке в Москве.

Покаяние

Аскетика для мирян

Духовное руководство

Молитва

Служение христианина

**СТУПЕНИ
ВЕРЫ**

Андрей Ткачев
Духовная жизнь. Первая
ступень: Воцерковление
Серия «Ступени веры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29813053

*Духовная жизнь. Первая ступень: Воцерковление. / Ткачев Андрей,
протоиерей: Никея; Москва; 2017
ISBN 978-5-91761-502-8*

Аннотация

Человек вошел в Церковь и обрел радость веры. Теперь важно научиться эту веру сохранять и приумножать. Но как быть со страстями, как соответствовать евангельским идеалам, как научиться видеть себя настоящего? Автор книги, опытный священник, говорит с читателем о важнейших составляющих христианской жизни. А именно: о сущности молитвы и глубине покаяния, об аскетике и монашестве, о различиях между постом внешним и внутренним, о духовном руководстве и необходимости самообразования, а также о смысле христианского служения.

Содержание

От издательства	5
Глава 1	9
Потерпеть самого себя	15
Отдай кровь, прими дух	19
О святой решимости	22
Возрастание. Страх Божий. Плач	28
В Церкви все должно быть настоящим	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Протоиерей Андрей Ткачев

Духовная жизнь. Первая ступень: Воцерковление

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р15-517-0818

Образовательно-просветительский проект «Ступени веры»

Покаяние

Аскетика для мирян

Духовное руководство

Молитва

Служение христианина

Образовательно-
просветительский проект
СТУПЕНИ ВЕРЫ
www.stupenivery.ru

От издательства

История Православной Церкви насчитывает почти два тысячелетия. За это время церковное Предание вместило в себя большое количество книг и постепенно сформировавшихся традиций: каноны, богослужебные тексты, молитвословы, поучения святых отцов и другие книги о самых разных аспектах христианской жизни. Как разобраться в этом море информации человеку, недавно переступившему порог храма? Что считать главным? Наставлениям кого из христианских подвижников следовать? Подобные вопросы возникают в голове человека, всерьез задумавшегося об основах своей веры и решившего понять церковные традиции. Замечательно, если найдется кто-то знающий и поможет. А если нет? Тогда можно воспользоваться проверенным способом – прочесть хорошую книгу. Надеемся, что такими книгами станут наши издания, составляющие новый образовательно-просветительский проект «Ступени веры».

Книги «Ступеней веры» отличает их соответствие учению Церкви, продуманность и доступность изложения. Все они написаны специально для этого проекта современными авторами: священниками, преподавателями, историками, не только обладающими глубокими познаниями в своих областях, но и умеющими ярко и доступно передать свои знания читателю.

Небольшой объем, лаконичность оформления и удобная навигация по книгам – отличительные особенности данного проекта. Некоторые книги курса построены в виде уроков, другие снабжены иллюстрациями и инфографикой, облегчающей усвоение материала. Отдельным достоинством курса является возможность изучения книг независимо друг от друга.

Этот курс станет незаменимым помощником как для людей, делающих первые шаги в Церкви, так и для всех, кто хочет расширить и систематизировать свои знания о православной вере.

Проект издательства «Никея» не отменяет необходимости дальнейшего знакомства с миром православного Предания, но дает знания, необходимые для более глубокого погружения в церковную традицию, и побуждает к дальнейшему движению в раз и навсегда правильно выбранном направлении.

Продуманный и логично выстроенный, курс «Ступени веры», словно компас, поведет читателя путем познания по ступеням восхождения, возрастания в православной вере.

1-Я СТУПЕНЬ.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

«ВХОЖДЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ»

- **«ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ»**

2-Я СТУПЕНЬ.

ИСТОРИЯ

«ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ»

3-Я СТУПЕНЬ.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

«КАК УСТРОЕНО БОГОСЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ»

«ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРИК»

4-Я СТУПЕНЬ.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

«ЗНАКОМСТВО С БИБЛИЕЙ»

Первая ступень. «Воцерковление» состоит из двух книг известного миссионера и проповедника протоиерея Андрея Ткачева – «Вхождение в Церковь» и «Духовная жизнь». Первая из них рассказывает об основах христианской жизни, раскрывает теорию – что такое молитва, какие таинства присутствуют в Церкви, почему и как почитаются святые и соблюдаются традиции. Вторая же, скорее, говорит о практике духовной жизни.

«Духовная жизнь» – книга для людей, которые уже вошли в храм и хотят научиться осмысленной жизни в Церкви Христовой.

Автор последовательно открывает читателю суть духовной жизни, рассказывая о глубине покаяния, об аскетике и

монашестве, о различиях между постом внешним и внутренним, о необходимости самообразования.

Глава 1

Что такое духовная жизнь: вехи, законы. Покаяние

Тема духовной жизни – одна из самых сложных, к ней нелегко приступить. В первую очередь в силу обширности темы. Под духовностью подчас понимают что угодно, только не то, что есть на самом деле. Что такое жизнь духа? Молитва? Чтение книг? А добрые дела, общение с ближними как-то ее касаются? Самообразование – часть духовной жизни или нет? Как эта таинственная жизнь в человеке начинается? Есть ли у нее незыблемые законы, или в каждой душе она протекает по-разному? Что важно знать, вступая на ее пути – пути жизни христианской?

Начнем от противного. Например, человек считает: я играю в театре или пишу картину, значит, я живу духовной жизнью. При этом я ненавижу того, кто гримируется рядом за стенкой или пишет картины в другом стиле; но все равно – я живу духовной жизнью. Конечно, это чудовищное смешение понятий.

Духовная жизнь – это все, что рождено в человеке
Духом Святым

Есть душевная жизнь, а есть духовная. Духовная жизнь – это все, что рождено Духом Святым в человеке, и все, что ведет его душу к преображению, изменению и вечной жизни во Христе Иисусе, Господе нашем. Уже здесь это начинается, а в полной мере откроется в будущей жизни. Там, где нет Духа Святого, там, где Он не действует, не дышит, не управляет, там духовной жизни нет. Теперь вопрос: как получить Духа Святого?

Получить или принять – это какой-то вроде бы стяжательский термин. Однако он в Священном Писании употребляется: «Вы получили Духа Святого»¹. Преподобный Серафим Саровский² говорил о «стяжании Духа Святого», то есть употреблял слово «стяжание», хотя в нынешнем мире оно имеет не очень положительный смысл – стяжательством мы называем любовь к приобретению, часто несправедливым путем.

Так как же стяжать Духа Святого, как его приобрести? Если мы говорим о крещеных людях, то они получают Его в таинствах Крещения и Миропомазания. Мы им запечатлены, и нам сказано: «...не оскорбляйте Святого Духа Божия, Ко-

¹ Аналогичных высказываний в Новом Завете множество. Например: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» (Рим 8:14–15). (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Преподобный Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754–1833) – иеромонах Саровского монастыря, святой Русской Православной Церкви.

торым вы запечатлены в день искупления»³.

Человек вступает в духовную жизнь покаянием. Тем, кто уже крещен, нужно покаянием обновить в себе действие благодати. А некрещеные, которые познали Господа и почувствовали призывающее действие Духа Святого, входят в Церковь опять-таки покаянием и верою через таинство Крещения. И начинают жизнь с чистого листа. Если это взрослые, то им в *случае* правильного духовного руководства легче, чем тем, кто принял Крещение и «исчез» из Церкви, а потом вернулся. Но так или иначе покаяние дано всем.

Есть чудесная книга писем игумена Никона (Воробьева)⁴ «Нам оставлено покаяние». В ее названии – цитата одного из писем. И действительно, нам оно оставлено. Мы входим в Церковь дверьми покаяния. Это общий закон, и нет исключений. Если мы крещены в детстве, то покаянием обновляем завет с Богом, сознательно или бессознательно нарушенный нами в годы безбожно прожитой жизни. Слезы покаяния возвращают нас к той радости, которую мы имели изначально, но не сберегли и не оценили.

Вот, скажем, человек решил построить храм во искупление того, что живет с тремя женами одновременно. Не получится. Нужно сначала как-то разобраться с жизнью своей, строительство храма не спасет. Построят его или не постро-

³ Еф. 4:30.

⁴ *Игумен Никон* (в миру Николай Николаевич Воробьев; 1894–1963) – подвижник XX века, исповедник веры, известный духовник.

ят – это уже отдельный вопрос. Но нельзя внешними делами откупиться от серьезнейших поступков, требующих покаяния. Здесь мы возвращаемся к слову «перемена»⁵ – нужно перемениться. Иоанн Креститель говорит: «Покайтесь!» – что значит поменяйтесь, станьте другими. Если иметь в виду сегодняшнюю жизнь, то приходится задуматься о том, что есть такие состояния человеческие и такие времена, когда нераскаянность умножается и люди делаются неспособными к покаянию. Возникает вопрос: все ли способны измениться? Соответственно, все ли могут воспринять спасение?

Спасение совершено, во Христе оно уже подарено человечеству. Но теперь нужно его активно воспринять, не просто «надеть» его на себя как плащ. Образно говоря, тебе сказали, где зарыты сокровища, дали даже лопату – иди и копай! Возможно, тебе придется сбиться с пути и копать в другом месте, там, где копать не надо, потом наконец-таки вернуться к нужному месту и, потрудившись, содрав себе руки до крови, найти сокровище. Таким и должно быть активно воспринятое покаяние. Нужен труд.

Все ли могут воспринять активно спасение? Вопрос открытый. Есть ужасные примеры из жизни, которые подталкивают сказать, что не все. «Много званых, мало избранных»⁶. Званые вообще все, всех Господь зовет. Но вот от-

⁵ Так переводится древнегреческое слово, обозначающее покаяние, – «метанойя» (дословно: перемена ума).

⁶ См.: Мф. 22:14.

зываются какие-то жалкие проценты от всех. Исходя из слова Божьего, из того, что было сказано пророками, нужно думать, что существуют некие окамененные состояния. Может быть, именно об этом и говорит Иоанн Златоуст⁷ в одной из своих двадцати четырех маленьких молитв: «Господи, избави мя всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия»⁸. Окамененное нечувствие – это черствость души для духовной жизни при живости тела. Церковь зовет к покаянию всех, и степень отзывчивости на этот голос соответствует тому, насколько жива душа – человечества, конкретного народа или отдельного человека.

Пройти сквозь узкие, хотя и открытые, врата покаяния человеку непросто. Ведь, чтобы через них пролезть, нужно снять с себя шубу, потом снять пиджак, возможно, придется еще и похудеть, и даже, пролезая, ободраться до крови. С большим трудом дается вход в эти двери. И много ли людей идет?

Первый голос, призывающий к покаянию в новозаветное время, прозвучал из уст Предтечи и Крестителя Иоанна⁹. Без Предтечи люди ко Христу не пришли бы – Еф. 4:30. он повел их к Спасителю. Иоанн Предтеча – чрезвычайно важная

⁷ *Святитель Иоанн Златоуст* (Златоустый) (ок. 347–407) – архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом.

⁸ Из молитв на сон грядущим.

⁹ Еф. 4:30.

фигура. Четыреста лет у евреев не было пророка.

Иоанн Креститель говорит: «Покайтесь!» – что значит поменяйтесь, станьте другими

Они не видели чудес, как при Илиии или Елисее, – мертвые не воскресали, прокаженные не очищались, из сухой земли не начинали бить родниковые ключи, с небес манна не падала – ничего не было. Была только память о Моисее, Илиии, Исаии. Четыреста лет, как от нас до Ивана Грозного. Этак можно с ума сойти от сухости! Они сухо жили, сухо ждали. И вдруг пришел Иоанн, начал проповедовать, хотя и не творил чудес – ведь Иоанн никого не воскресил и не исцелил, никому слепых глаз не открыл. Вся его сила была заключена в его голосе, его слове, в сердечном порыве и жаркой проповеди покаяния. Люди шли к нему.

Но нужно все это было не для того, чтоб они просто поплакали, жалея о совершенных плохих поступках, а чтобы они покаянием, как наждаком, содрали коросту со своих душ и стали способны узнать Христа. Ко встрече со Христом Иоанн готовит народ именно покаянием.

Потерпеть самого себя

Впрочем, слово «покаяние» почти так же многозначно, как понятие «духовная жизнь». Надо понимать, о чем именно мы говорим. Например, часто думают, что покаяние состоит в том, чтобы только сожалеть о сделанных грехах. Но сожаление о грехах – это еще не покаяние, это всего лишь его составная часть.

Вспомним Иуду, который сделал все, что делают, когда каются, но не сделал самого главного. Иуда сказал: «Я согрешил», то есть признал себя согрешившим, потом назвал свой грех по имени: «Я предал кровь невинную»¹⁰. Затем он дерзко, но правильно в данном случае отдал деньги, которые взял, бросив их на пол: «Вот вам!» Другими словами, он отверг от себя то, чем разбогател за свое злодейство. Казалось бы, что еще? Признался, назвал грех по имени, пошел к тем, кто заказал ему злодеяние, говорит: «Вот деньги, я больше не с вами!» А оказывается, это не все. Иуда отчаяния не победил, терпения не имел, ждать не хотел.

Не вытерпел муки совести и удавился.

Нам хорошо сейчас, конечно, говорить сверху вниз, нависая над Иудой: «Тебе надо было делать то и то!» Мы сейчас уже «умные». И все же надо было потерпеть. Кого? Себя. Он убил Праведника, посодействовал Его смерти, он – бо-

¹⁰ См.: Мф. 27:3–10.

гоубийца. Ничего страшнее придумать невозможно. Те, кто вбивал гвозди в руки Христа, может быть, менее грешны; Пилат имел право распять или не распять Христа, но Господь говорит ему: «...более греха на том, кто предал Меня тебе»¹¹. Однако потерпи Иуда себя в этом аду совести еще день-два, и воскресший Христос неизвестно как повел бы Себя с ним. Воскресение Христа из мертвых, изменившее мир, Его победа над смертью благотворно воздействовала на всех. Наверное, и на Иуду воздействовала бы – он мог бы жить. Но он поспешил совершить самосуд. Горячка раскаяния и поспешный самосуд – это путь Иуды.

Что нужно, чтобы не «наступить на те же грабли» и избежать такого неправильного покаяния нам? Нужно понять, что Иуда не очень-то далек от нас. Каждый раз, причащаясь, мы не можем не вспомнить о нем. Священник выносит Чашу и говорит: «Вечери Твоей таинственным участником в сей день, Сын Божий, меня прими. Ибо не поведаю я тайны врагам Твоим, не дам Тебе такого поцелуя, как Иуда. Но как разбойник исповедаю Тебя: помяни меня, Господи, в Царстве Твоем!»¹² Можно не помнить, например, Андрея Первозванного или, скажем, самарянку¹³, еще кого-то; забыть можно

¹¹ Ин. 19:1-11.

¹² Молитва из последования ко Святому Причащению на церковно-славянском: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

¹³ См.: Ин. 4: 6-29.

про пять хлебов и две рыбы, которыми были накормлены пять тысяч человек¹⁴. Но нужно помнить Иуду и разбойника. Эти два человека обязательно должны быть в нашем сознании. Иудой быть нельзя, а благоразумным разбойником – можно, даже нужно. Чтобы не быть Иудой, нам стоит сделать все, что он сделал, то есть признать свой грех, назвать его по имени, отдать то, чем ты «разбогател» через грех, и еще – потерпеть себя потом. Потерпеть, то есть окунуться в ад нравственных страданий и помучиться в ожидании милости от воскресшего Христа.

Покаяние, как любое таинство, синергично, двуедино. Если ты идешь к Богу, а Бог говорит: «Нет, Я тебя не приму», то хоть разбейся в лепешку, ничего не получится. Как написано в Апокалипсисе: «Так говорит Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит»¹⁵.

Если Бог откроет двери, то никто их не закроет – заходи. Но если Бог закроет двери, то никто их не откроет – без толку стучать.

Может, конечно, возникнуть вопрос: постойте, как же может Бог меня не принять? Ведь я иду и исповедую свой грех, и надеюсь, что Бог меня простит и примет, а Он что же, может не принять?

Господь принимает, конечно. Мы сейчас живем в эпоху

¹⁴ См.: Мф. 14: 15–21.

¹⁵ Откр. 3:7.

открытых дверей. Страшный Суд – это будет время закрытия дверей, когда отнимется благодать. Мы сейчас пользуемся благодатью: говорим о Боге, спокойно призываем Его имя. Но нельзя забывать, что мы не смогли бы этого сделать, если бы Бог не дал нам сначала узнать, а потом и позвать Его. А вот в самые злые времена люди захотят помолиться, но у них не получится. Подумать о Боге захотят, но не смогут. Закончится время, когда Господь ждал, и двери закроются. Сейчас же все двери открыты, вопрос в том, зайдешь ли ты. А может быть, зайдешь и выйдешь?

Сожаление о грехах – это еще не покаяние, это лишь его составная часть

Так вот, чтобы Иудой не быть, необходимо сделать все, что сделал он, и сделать больше, чем он. Как про праведность Господь сказал, что «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»¹⁶. Значит, если покаяние наше не будет выше покаяния Иудиного, мы тоже не войдем в Царствие Небесное.

Признаться, назвать свой грех, отдать приобретенное злодеянием надо, но от нас ожидается нечто большее – потерпеть себя самого и дожидаться милости Божией.

¹⁶ Мф. 5:20.

Отдай кровь, прими дух

Покаяние и исправление могут отстоять друг от друга далеко. Сразу исправиться не получится.

Я прихожу к Богу как к Судье, принося Ему плач и жалобу на самого себя, а Он ее принимает, рассматривает, и я жду решения. Я делаю все свое, человеческое. Если долги надо раздать – раздаю, простить нужно – прощаю. Бросил я, допустим, жену – начинаю платить алименты, которых раньше, может быть, не платил. Если и еще что-то нужно – делаю. Но когда я все, что мог, сделал, я все-таки продолжаю ждать ответа Судии.

Человек должен открыться милости Божией. Ему следует, образно говоря, с терпением и плачем сесть у порога своего дома и ждать, пока придет письмо от Царя, гласящее: «Вставай, переодевайся, снимай рубище, надевай светлую одежду, иди к Царю – ты прощен!»

Но до этого ты все-таки должен сделать все, что в твоих человеческих силах, чтобы искупить грех и не грешить больше. Иначе нет смысла даже просить о прощении. Как ты будешь говорить: «Прости меня за блуд», сам продолжая жить в блуде? Это звучит несерьезно и даже нагло.

Может быть иное. Человек скажет: «Я продолжаю грешить, потому что не в моих силах избавиться от этого греха. Я его признал и исповедал, от меня больше ничего не зави-

сит». В принципе да. Это тоже принимается. Но все ли ты сделал, чтобы не продолжать грешить? Как апостол Павел спрашивает: «До крови ли вы подвизались против греха?»¹⁷ Нет ли чего-то, что ты не сделал? Человек должен сделать все, что в его силах, исчерпаться до дна. В чем величие святых? Они исчерпали все свои силы в борьбе с грехом и остались как пустой колодезь, как пустая штольня, в которой уже нет угля.

«Отдай кровь, прими дух», – так говорят монахи. Или еще апостол Павел говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос»¹⁸. Хотя руками апостола и силой его слова творятся чудеса, и даже одежды Павловы кладут на бесноватых, и бес выходит¹⁹. Но Павел не гордится. В нем уже нет места для гордости, потому что чудо творит Христос, а не апостол. А самого Павла уже как бы нет. Это, очевидно, и есть тайна святости.

„Отдай кровь, прими дух“, – так говорят монахи

Если взять самую близкую аналогию такому забвению себя из жизни человеческой, то это жизнь матери. Женщина, пока носит младенца, кормит и растит его во чреве, отдавая ему физически, через кровь, кальций, белки, углеводы. Родится ребенок – она начинает отдавать ему молоко, свою

¹⁷ См.: Евр. 12:4.

¹⁸ Гал. 2:20.

¹⁹ См.: Деян. 19: 11–12.

заботу, силы, время. Представим себе многодетную маму, у которой десять детей. Ведь с появлением каждого ребеночка она снова и снова отдает себя ему, хлопочет, нервничает, ночи не спит. Ее уже нет, она растворена в своих детях. И чем их больше, тем меньше ее. Мать живет их заботами, их нуждами, думает о каждом, каждого помнит, за каждого переживает. Где она есть?

Непонятно. Это самая близкая аналогия к исчерпанию себя святыми.

Или, скажем, хороший начальник большого предприятия (хотя в жизни такое бывает не часто) за все переживает – за каждый цех, за каждое направление производства, за каждого рабочего, бухгалтера, за каждый лист бумаги или железную болванку, за все зарплаты и отпуска, за все поставки. Он бегаёт, спрашивает, сражается, как тигр, в министерстве за свое предприятие, защищает своих, вникает в конфликты коллектива, отказывается от отпуска, вероятно, попадает в больницу, у него из-за этого ломается и семейная жизнь... Когда он вникает во все, то в принципе его нет. И потом этот начальник умрет, его похоронят и забудут через год. Вот такая «мирская» святость.

Это нормальный христианский путь, это путь Христа. Кому Христос нужен, на самом деле? Зачем вообще нужно было Сыну Божьему приходить в этот падший мир, демонами оккупированный? А Он пришел. Родился как человек, жил здесь и умер от рук тех, к кому пришел.

О святой решимости

Слово Божие, которое одних людей понуждает оставить все, всю свою жизнь истратить ради Бога и тем достигнуть святости, другого человека зачастую совершенно не трогает, не поражает. Почему?

Здесь важны, мне кажется, две начальные причины: кто слушает слово и кто его произносит. В Евангелии звучит голос Христа, но вместе с тем очень важно, кто именно эти евангельские слова произносит и кто их слушает. Антоний Великий²⁰, еще будучи юношей, на попечении которого была малолетняя сестра, зашел в очередной раз в церковь (где был до этого уже много раз) и вдруг услышал евангельские слова: «Раздай все и следуй за мной!»²¹ Он слышал эти слова и раньше, но в этот раз они поразили его, дошли до глубины сердца. Будущий основоположник монашеского жития вышел из церкви, устроил сестру к добрым людям и удалился в пустыню. Мы не знаем, кто именно, какой священник прочел эти слова Евангелия. Я думаю, что все-таки кто-то особенный, кто-то очень интересный. И наверняка он читал с чувством, с пониманием того, что за слова произносит.

Обычно такие вещи не принимаются во внимание. Но вот

²⁰ *Преподобный Антоний Великий* (ок. 251–356) – раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельничества.

²¹ См.: Мф. 19:16–30; Лк. 18:18–30.

еще пример: мы читаем в житии Матроны Московской²², что, когда ее крестили, было некое благоухание, и старенький священник сказал: «Я крестил очень много детей, но такого еще никогда не видел. Наверное, этот ребенок Богом отмечен». Будучи, видимо, по-настоящему хорошим священником, он ощутил, понял нечто.

Я хочу сказать, что важно, кто доносит до тебя слова, учение, кто совершает богослужение. В один храм ты зайдешь на службу и ничего не почувствуешь, потому что важно не просто, что ты пришел в церковь, важно и то, как там служат.

Но все остальное зависит от тебя.

Если бы в той церкви, куда зашел Антоний, диакон читал кое-как или если бы священник опоздал на службу или второпях служил ее, спеша на какую-то потребу, вероятно, изменения души этого юноши и не произошло бы. Множество людей не слышат каких-то важных слов на службе из-за того, что не были эти слова произнесены должным образом, с должной глубиной и пониманием их. И если у нас есть опыт, подобный опыту Антония Великого, то мы должны знать, что это случилось в том числе и благодаря благоговейно произнесенному слову Божию.

Я могу, например, сказать, что почти все евангельские зачала²³, которые мы читаем в течение года, я знаю наизусть.

²² *Блаженная Матрона Московская* (Матрона Дмитриевна Никонова; 1881–1952) – святая Русской Православной Церкви.

²³ *Зачала* – пронумерованные фрагменты текстов в богослужбных Евангелиях

Но бывает, во время богослужения я их слышу впервые, а бывает – вообще не слышу, заставляю себя их вспомнить. И это очень сильно зависит от общего состояния молящихся и вообще от атмосферы в храме. Зависит и от того, кто читает, как читает, почему читает и чувствует ли сам, что читает. Ведь если сам чтец не слышит и не понимает, что он читает, то и слова его не забиваются, как гвозди, в слушающих. Хотя, повторюсь, все остальное – 80–90 % — работа самого слушающего человека.

Литургия делится на литургию слова и литургию верных. На Литургии верных совершается Евхаристия, поется Херувимская, Символ веры, дается братское целование, потом приносится Бескровная Жертва и совершается причащение. Это – Литургия верных. А все, что до нее – пение псалмов, чтение Апостола и Евангелия, проповедь, поминание живых и усопших, молитва об оглашенных, – это литургия слова. Литургия слова у нас унижена. К ней относятся невнимательно. У нас люди могут прийти к концу литургии слова, например к чтению Евангелия. Спросите у выходящих из храма, что читали сегодня из Посланий апостолов? Почти никто и не ответит – в основном не то что не услышали или не разобрали текст, а не слушали вообще, не считая для себя это обязательным. Это столетние застаревшие болезни церковной жизни.

и Апостоле (собрании новозаветных Апостольских посланий), на которые эти книги разделены для удобства чтения за богослужением.

Получив семя некой мысли, верующий человек должен беречь этот дар, как зачавшая женщина бережет себя, чтобы не извергнуть зачатое

К примеру, у коптов (которые за полтора-два тысячелетия поменялись очень мало и вполне похожи на своих предков, среди которых и молился Антоний Великий) литургия слова – очень важная часть богослужения. Она построена иначе, чем у нас. В нее входит около пяти чтений из Священного Писания. Обязательно читается книга Деяний, непременно – несколько отрывков из Евангелия, что-то из Апостола, что-то из Ветхого Завета. И все слушают. Каждое чтение предваряется пением стихов, каждением, звоном. Таким образом, они кормят людей полноценным «обедом из пяти блюд» – словом Божиим. И только потом начинается Евхаристия.

К сожалению, у нас нет этого внимания к слову, поэтому и не слышим его. Во-первых, потому, что мы его не слушаем, – весь стиль нашего поведения таков, что мы не ценим начало литургии, даже опаздываем на него, позволяем себе в это время ходить по храму, включая внимание только ближе к пению Символа веры и «Отче наш». Во-вторых, слово Божие редко стараются прочитать так, чтобы каждый услышал. Так у нас получается. И это не сегодня произошло, это порча, начавшаяся столетия назад.

Но всякий внутренний труд должен рождать какое-то внешнее деяние. Если зачатие произошло, то должны быть и роды – не могут всю жизнь происходить выкидыши. Если

какое-то слово попадает в человеческое сердце, оно, по сути, его осеменяет. Происходит нечто подобное вспышке – мое сердце соединяется с тем, что я понял. Зачем мы вообще читаем книги? Не просто же для общей эрудиции? Например, я какую-то книгу полистал, потом закрыл и бросил и больше читать ее не буду (если только не придется по ней писать сочинение где-нибудь в семинарии или в институте). Такова большая часть того, что мы читаем. А бывает, открыл и закрыть не можешь. Что это? Это встреча моя с Богом, если книга о Боге, или с автором, который понял нечто, чего я еще не понял, но всю жизнь хотел понять.

Получив семя некой мысли, верующий человек должен беречь этот дар, как зачавшая женщина бережет себя, чтобы не извергнуть зачатое. Пусть и верующий уже ведет себя с оглядкой. Начинают работать механизмы сохранения плода. Так, зачавшая одно не может зачать другое. Если что-то уже зачато, то жди плода от этого и сейчас ничего нового не зачнешь.

Что здесь зависит от человека? Он должен почувствовать это биение, взыграние в себе новой жизни, а потом родить некое жизненное решение, некую ясную, конкретную мысль. Это не происходит сразу. Если, скажем, человек прочитал какую-то книгу о покаянии и чье-то слово (на самом деле Господне слово в чьей-то передаче) легло ему на душу, нельзя ждать, что он уже завтра побежит на исповедь. Пусть слово живет в нем, растет.

Как Соломон говорит: «Ты не знаешь того, как образуются кости во чреве беременной»²⁴. И сейчас наука тоже не может до конца объяснить, как происходит формирование ребенка в материнском организме. Но она наблюдает, как сердечко начинает биться, как младенец становится похож сначала на какую-то жабку, потом еще на кого-то, потом вроде уже на человечка – вот и пальчик сосет, и улыбается как будто. А потом он «постучится в двери», и его нельзя будет не пустить. Он рождается на свет. Так рождается и решение в душе человека.

И в какой-то момент он наконец говорит: «Все, я иду на исповедь!» или: «Все, в этом году я буду поститься!» Он уже года два думает, что поститься вообще-то надо – что ж я, мол, живу и всю жизнь не пощусь? Или, например, праздник наступил, и кто-то ему говорит: «Сегодня Покров. С первым снежком вас!» Он думает: «Все, пойду на службу. Хватит!» Значит, в этом году слово, брошенное в его сердце, выросло до конкретного дела, до определенного серьезного решения – пойти на исповедь и Причастие или бросить какой-то грех. Или поехать к какому-нибудь святому человеку и спросить его: «Скажи мне, отец, как мне жить дальше?»

Так рождается святая решимость на то, чтобы начать жизнь заново. Но за рождением следует другой этап – рост.

²⁴ См.: Екк. 11:5.

Возрастание. Страх Божий. Плач

У Иисуса, сына Сирахова, в одной из неканонических книг Ветхого Завета читаем, что начало духовного пути – страх Божий. Он объясняет почему. Потом говорит: середина духовного пути – страх Божий. И объясняет почему. Затем говорит: конец духовного пути – страх Божий. И также объясняет почему.

Духовная жизнь начинается покаянием, продолжается покаянием и завершается покаянием. Нам придется каяться всегда, но каяться, конечно, по-разному и в разном. Начнется жизнь души с плача о себе и продолжится плачем о себе, но уже на другом уровне. Сначала человек заплачет о себе нынешнем: я весь, как дворовой пес, в репьях грехов, и тяжело мне на себя со стороны смотреть – вот какой я! Потом репья с меня сняли, причесали, одели, умыли, а я продолжаю плакать, потому что мне открывается что-то большее.

Вскоре ты понимаешь, что все такие, как ты, – так или иначе – и что всякий человек достоин сострадания. И когда начинаешь каяться, включаешь в орбиту своего покаяния тех, кто тебе известен, понятен, любим или кто вошел в соприкосновение с тобой. Потому что у них тоже есть о чем плакать. Ты плачешь уже и о них. Я имею в виду не обычный плач, а плач аскета, когда не платки смачиваешь и хлюпаешь носом, а покаянно вздыхаешь. Можно плакать без слез.

Горький вздох, сокрушение – это тоже плач.

Следующий этап – когда тебе открывается нечто более глубокое в себе и людях и ты начинаешь плакать о чем-то сокровенном, о чем никто не знает. Это универсальный путь. Он для всех.

Но нужно сразу понять, что есть разные слезы. Вот человек смотрит сериал о том, что донья Эмилья, допустим, не вышла замуж за дона Хуареса, и плачет в конце сто сороковой серии. Это не те слезы. Бывают слезы обиды, сентиментальные слезы и слезы, выдавленные из тебя каким-то зрелищем. Нет, это не то. Твои глаза могут оставаться сухими, но ты должен плакать. Плач – это печалование о себе испорченном, потерявшем рай, о мире, который находится в беде. Собственно, этот плач рождается от зрения беды. Нельзя себя заставить печалиться об этом, если ты беды не видишь. Благодать Божия открывает человеку глаза, и тот начинает видеть мир вокруг себя как некую беду.

Ребенок, когда рождается, толком еще ничего не видит. И христианин тоже, когда рождается, мало видит: он слепой. И как новорожденный должен обязательно питаться, чувствовать теплоту материнских рук, так и новоначальный христианин должен получать питание нормальное. Нужно причащаться. Он родился, его надо держать на руках. Он не должен вырываться из материнских объятий. От обычного младенца новоначальный христианин как раз отличается тем, что может вырваться и убежать, как Буратино из каморки

папы Карло.

Здесь вот еще что важно: самостоятельно понять, на каком духовном уровне и в каком состоянии он находится, человек не может. Чтобы ему помочь в этом, собственно, и нужны духовные отцы. Есть редкие исключения, например Сергей Радонежский²⁵. Его называют «богомудрый», потому что у него не было учителей. И такие примеры еще есть, когда человеку научиться не у кого, а он все знает. Дух Божий его *учит*, а он, в свою очередь, учит других, кто от Духа Святого, как он, научиться не может. Преподобный Сергей стал учителем для нескольких сотен монахов, из которых полсотни святых, и для целого народа. У него были собеседники, с которыми он разговаривал о внутреннем мире, о покаянии, о борьбе со страстями, о помыслах, о духовном умилении. И в этой беседе они напитывались от преподобного Сергея таким богатством, которое позволяло потом идти много верст неведомо куда, ставить там деревянную церковь, а через несколько лет уже «обрастать» своими учениками и строить монастыри. Иногда Сергиевы собеседники духовно оскудевали и тогда опять шли к нему и с ним говорили. В преподобном Сергии не было того, что есть сегодня в так называемых лже-старцах, когда человек в первый раз тебя видит и тут же крестом тебя благословляет ехать, например,

²⁵ Преподобный Сергей Радонежский (1314/1322-1392) – великий святой Русской Православной Церкви, основатель Свято-Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра).

на Кольский полуостров коров доить – как будто он все про тебя знает и уже прозрел твое будущее. Но вот чтобы сесть, побеседовать – даже близко такого нет. «Сядь-ка, расскажи мне про себя, а я послушаю». Как говорил Сократ: заговори, чтобы я тебя увидел.

Для того чтобы человек понял что-то о себе самом, нужен духовный руководитель. Но духовное руководство должно быть трезвым. Не нужно искать чудотворца, какую-то духовную величину первого масштаба. Нужен просто опытный человек со стороны, который, даже не будучи старцем, может наблюдать в тебе нечто такое, чего ты сам в себе никогда не заметишь.

Духовник может быть появится у человека не сразу, не в начале духовного пути. Сначала христианин рождается, как дитя, питается и веселится на руках у матери. Но руководство нужно будет ему по мере возрастания. Потом человек почувствует, что нуждается в некоем взгляде, в некоем слове со стороны. И тогда он станет искать того, кто бы ему сказал это слово. Он задается вопросом: кто я, что со мной? Ищет помощи. Однако часто хочет чуда, чтобы ему тут же сказали, как он проживет свою жизнь, чем закончит. А вообще-то, конечно, нужно задавать вопросы попроще.

Просить: «Помогите мне увидеть себя, потому что я себя не вижу».

Самостоятельно понять, на каком духовном уровне он находится, человек не может

В случае если есть церковная община, этот период пережить легче, потому что есть дружба, а дружба заменяет старчество. Друг тебе скажет: «Слушай, я смотрю на тебя, ты мне не нравишься последнее время! Ты какой-то унылый, как в воду опущенный. В чем дело? Что случилось?» Часто вовсе не нужен старец, нужен просто друг. Этот тотальный поиск старцев в наше время – признак глубокого одиночества. Люди одиноки и часто никому не нужны со своими проблемами: «А ты знаешь, мне плохо на душе...» – «Да всем плохо! Кому сейчас хорошо?» А лучше бы по-другому: «Ты здоров? Как у тебя дела? Все ли у тебя хорошо?» Это нормально – интересоваться людьми, спрашивать. Вообще существует такой святой вопрос: «Как у тебя дела? Чем я могу тебе помочь?»

В Церкви все должно быть настоящим

Конечно, первой реакцией на подобный вопрос может быть такая: «Все у меня нормально!» Другими словами: не лезьте мне в душу. Таковы плоды цивилизации – укутывание внутреннего человека во внешние одежды: внутреннее содержание одно, а одежды – другие. Это серьезно мешает духовной жизни, потому что духовная жизнь

Духовная жизнь заключается в снятии с себя ложных
одежд

заключается в снятии с себя ложных одежд, а жизнь цивилизованного человека – в закутывании себя. Они полностью противоположны. Что такое юродство, например? Это вызов ложным христианам. Мол, раз уж вы все так закутались, тогда я догола разденусь! Раз уж вы все такие приличные, тогда я буду со свиньями жить и из свиного хлева к вам приду на всенощную и скажу, что вы тут не молитесь Богу, а глазки строите! По бороде вы все – Авраамы, а по делам – хамы! А вы меня побьете в ответ. Это – юродство. Крайней степени лицемерие зачастую и рождает юродство.

Часто, например, монахи кажутся грубыми. Ты ему чего-то говоришь такое: «Батюшка, батюшка...» – а он тебе как ляпнет что-то жесткое: «Иди отсюда!» То, что воспри-

нимается «цивилизованными людьми» как грубость, на самом деле может быть реакцией духовного человека на нашу чрезмерную «закутанность».

Конечно, не нужно хамить. Именно в силу нашей греховности мы обязаны соблюдать этикет для того, чтобы мир вокруг нас не превратился в ад. Когда же мы погружаемся вглубь духовной жизни, там мы можем найти некую парадоксальную строгость или прямоту и детскую наивность. Наивности у нас тоже нет. Мы боимся быть наивными, непосредственными. Мы сдерживаем себя во всем. А потом иногда срываемся и начинаем что-то запредельное вытворять. Цивилизация дает некий стандарт внешнего поведения, но внутреннего человека оставляет неизменным. Когда внутри все прогнило, сколько ни кутайся во внешние одежды этикета, подлинное содержание рано или поздно проявится.

Зная это, не нужно покупаться на внешнее. Нужно понимать, что человек, кажущийся тебе грубым, подчас может быть подлинно искренним и нормальным. А сюсюкающие, даже приятные по наружности люди иногда менее угодны Богу, и от них можно ждать чего угодно. Вот кто-то тебе говорит: «Стань туда! Что ты стоишь здесь как пень?!» Этот человек (я таких встречал в Церкви – те самые злые старухи) вовсе никакой не злой. Может, эта «злая старуха» прожила такую жизнь, что... мама, не горюй. И если бы мне выпало то, что перепало на ее долю, я бы вообще стрелял всех из автомата! Она такая, как есть. Но она честный человек и лож-

ного ничего не скажет. А если что и скажет, то скажет прямо. Но поскольку мы стали такие европейские, этакie французско-салонные, будто из предреволюционного²⁶

²⁶ Имеется в виду Великая французская революция, начавшаяся с весны-лета 1789 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.